

ких им других европейцев-христиан у становящегося самым активным и динамичным компонентом во Франции иммигрантского сектора населения становится все труднее и труднее, если не невозможно. Тем более что, по К. Мейассу, закон народонаселения у выходцев из Африки и с Востока вполне устраивает предпринимательские круги страны, в частности патронаж. И получается, что «рынок» сломал хребет старых цивилизаций с их своеобразием, целостностью, идиллической гармонией. А бывшие колониальные империи сами внесли свою лепту в формирование проблем, которые не только не разрешаются пока, но и даже с трудом формулируются, блокируясь стереотипами отчужденности, призывами к политкорректности, фетишизацией рынка и прибыли.

Библиография

- Арсеньев В.Р.* Багровые закаты над Европой // Санкт-Петербургские ведомости. 2005. 15 нояб.
- Арсеньев В.Р.* Преамбула переводчика: Мейассу К. Антропология Маркса // Terra Humana. Общество. Среда. Развитие. 2009. № 1 (10).
- Мейассу К.* Антропология Маркса // Terra Humana. Общество. Среда. Развитие. 2009. № 1 (10).
- Amselle J.-L.* Branchements. Anthropologie de l'universalite des cultures. P. 2001.

В.А. Понов

**РОДСТВО, ГЕНДЕР И ВОЗРАСТ
КАК ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫХ СЕТЕЙ
(К ПРОБЛЕМЕ ФАКТОРОВ ПОЛИТОГЕНЕТИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССОВ В ДОКОЛОНИАЛЬНОЙ АФРИКЕ)**

Постановка проблемы

Стадиальная и цивилизационная принадлежность доколониальных обществ Африки — одна из самых актуальных проблем африканистики. С одной стороны, это частный случай более общего и довольно дискуссионного вопроса об особенностях социально-политического развития восточных обществ. С другой стороны, от ее решения во многом зависит понимание специфики современных социально-экономических и политических процессов в развивающихся государствах африканского континента, а также адекватное представление о том, что же на самом деле деформировалось при образовании колониального общества — той основы, на которой строится настоящее и от тенденций трансформации которой зависит будущее постколониальных стран.

Другими словами, решение проблемы стадияльной и цивилизационной атрибуции непосредственным образом связано с особенностями политогенетических процессов в африканских условиях и специфики этнополитических организмов Тропической Африки, т.е. являлись ли они государствами или же находились на предгосударственной стадии и представляли собой вождества и союзы вождеств, а может быть, существовали и какие-то иные формы раннеполитических постпервобытных организмов.

Политогенез без государствообразования и политогенетическая контроверза

Под политогенезом обычно понимается процесс становления политической организации постпервобытного общества. В результате политогенетических процессов формируется политическая власть как асимметричное и амбивалентное отношение между управляющими и управляемыми. Поэтому в центре внимания исследователей политогенеза оказываются *феномен потестарности* (властвования) и основные факторы его генезиса и исторической динамики. Если потестарность трактовать как волевое доминирование, то под потестарными отношениями следует понимать те отношения между людьми и их коллективами, в которых отражается принцип иерархичности.

Асимметричность потестарных отношений возникла на самых ранних стадиях антропосоциогенеза и была обусловлена функциональными различиями индивидуальных ролей, а также психологическими механизмами властвования / подчинения (подр. см.: [Потестарность 1973: гл. I]). В процессе политогенеза общение людей, относительно равных по потестарному статусу, сменяется отношениями господства и подчинения, опирающихся на административный аппарат принуждения и насилия, т.е. на государство¹, если исходить из классово-государственной модели политогенеза.

Как известно, создатели *классово-государственных теорий политогенеза* трактуют государство как политическую организацию экономически господствующего класса и аппарат его диктатуры. При этом государство рассматривается как высшая стадия развития политической организации, единственная и универсальная, а генезис государства может осуществляться двумя основными путями — в результате действия факторов внутреннего развития и под внешним воздействием уже сформировавшихся государств (в форме завоевания или опосредованного воздействия), что вполне закономерно в условиях асинхронности темпов исторических процессов. В связи с этим различают *первичные и вторичные государства*.

Одно из новейших направлений политогенетических исследований, подвергающее сомнению универсальность института государства и самого феномена государственности, занимается обоснованием *безгосударственных моделей политогенеза*. Сторонники этого подхода исходят из многолинейности

¹ Государство осуществляет также руководство, управление, координацию, контроль и другие потестарные функции, применяя такие средства осуществления власти, как авторитет, убеждение, манипуляция, запрет.

социальной эволюции и заняты поиском альтернатив государству в мировой истории. В качестве таковых определяют полис, мегаобщину и акефальные сложные общества, т.е. социальные организмы, в которых интеграция осуществляется за счет горизонтальных, а не вертикальных связей между составляющими их социально-родственными институтами (см.: [Alternative Pathways 1995; The Early State 2004]). Если же проанализировать истоки этого подхода и основной фактический материал, на котором базируются авторы безгосударственных моделей, то все они вполне вписываются в парадигму вторичного политогенеза, а *теория парапозитивности* позволяет *решить политогенетическую контроверзу* (появление государственности в доклассовом обществе, что противоречит постулату о синхронности классов и политогенеза), рассмотрев парапозитивность (государствоподобность) как результат вторичного политогенетического развития, когда происходит опережающее развитие высших иерархических уровней управления и создается возможность для появления особого — *параполисного* — состояния постстарных организмов, в которых политогенез так и не завершился образованием государства [Роров 1988; Попов 1990; 1995].

Другими словами, рассматриваемые сторонниками многолинейности эволюции как однопорядковые государству неиерархические формы политической организации, будь то греческий полис или политии кочевников, казаков и горцев, а также кельтов и исландцев, — не более чем «альтернативные пути» к государственности (первичной или вторичной), наряду с парапозитивностью и «ранним государством». Нельзя не заметить, что «неиерархические сложные общества» — такой же оксюморон, как и «неиерархическая власть».

Вместе с тем мало кто обращает внимание на те предпосылки, которые способствовали развитию тенденций вторичной государственности. Одна из них — наличие особых социально-коммуникативных сетей, организованных по естественным принципам — родству, гендеру и возрасту.

Общности по джаму, система абусаупон и братства по кораблю

*Джаму (jatu)*² — имена собственные, патронимы, многие из которых (а всего их зафиксировано более 200) объединяют сотни тысяч людей в Зап. Судане (подр. см.: [Ольдерогге 1960; Арсеньев 1977; Пирцио-Бироли 2001; Маслов 2006]). От обычных фамилий эти «клановые имена» отличаются тем, что носители одинаковых джаму считают себя родственниками и используют в разговоре друг с другом те же вокативы, что и для обращения к своим старшим и младшим сиблингам. Носители одинаковых джаму — *общности по джаму* — как правило, возводят себя к общему предку, почитают те же *тотемы* (напр., тотем Кейта — бегемот, Самаке — слон). Устная традиция часто приписывает общностям по джаму и некую прародину.

Существует *корреляция между джаму и статусом или профессией*, передаваемых по наследству (Сиссоко и Багайого — кузнецы, Куйате и Фофана — гриоты, Кейта и Траоре — благородные /земледельцы-воины/).

² Слово из языка бамана; восходит к арабскому *jama'a* («собрание, сообщество»).

Креольские этнокультурные общности

Имеется также корреляция между джаму и этнической принадлежностью (Кулибали, Джара — *бамбара*; Кейта, Конате — *манинка*; Тункара, Макало — *сонинке*; Майга, Хайдара — *сонгаи*; Бамба, Бенкали — *сенуфо*; Тембели, Того — *догоны*; Уэдраого, Зербо — *моси*; Саного, Мале — *миньянка*; Фофана, Магаса — *кагоро*; Даколо, Камате — *бобо*; Мента, Канипо — *бозо*; Диалло, Дьяките, Ба — *фульбе*; Тям, Талл — *тукулёры*; Ндиай, Нгом — *волофы*; Ятара — *туареги*; Сиби — *мавры*), однако эта корреляция не касается многих крупнейших общностей, своего рода *трансэтнических* (Камара, Туре, Сисе, Сиссоко, Диавара, Конде, Конне, Самаке). Некоторым джаму (напр., Сисе и Туре) приписывается роль истинных или первых мусульман.

Между некоторыми джаму (Кейта, Тункара и Сисе, Траоре и Дембеле) предполагается *родство*. При этом одни джаму считаются младшими, другие — старшими кросскузенами, что отражает их происхождение от сиблингов-первопредков. Ассоциация с родством проявляется и в отношениях *синанкуйя* — взаимном ритуальном доброжелательном поношении (т.н. *шуточное родство*, или подшучивание). Помимо джаму, в отношениях *синанкуйя* состоят самые разные группы людей, часто не имеющие никакого отношения к родству, даже фиктивному (как каста кузнецов и этнос фульбе), или такие характерные для региона пары, как догоны — бозо, манинка — сонинке, фульбе — бамбара, дан — гуру, лоома — манинка, где элементы бинарной оппозиции представляют собой крупные этнокультурные общности. Иными словами, отношения ритуального поношения зачастую шире не только кросскузенных связей, но и родства в целом. Характерно также, что у хауса аналогичное подшучивание объединяло либо кузенов, либо жителей некоторых областей (или городов) [Ольдерогге 1960: 115–136].

Еще один вид отношений между джаму — *эквивалентность*. Если 2 (иногда 3 или 4) джаму эквивалентны (Дамба = Сиссоко; Кейта = Конате = Кулибали = Камара), то брачные предпочтения, а также «братские» связи у них одни и те же. Именно такие связи обеспечивают трансэтничность джаму и возможную смену имени при миграциях. Так, Конне оказывается Джара, если поселяется среди последних [Маслов 2006: 111]. Аналогичные явления отмечены и в аканском регионе, где субъектами эквивалентных отношений выступают надродовые институты абусуапон [Попов 1994].

Существуют также представления о *брачных предпочтениях* (в прошлом, вероятно, обязательных браках) для различных джаму и абусуапон, т.е. джаму и абусуапон воспринимаются как маркеры *эпигамных общностей*. Иногда взаимные брачные предпочтения между некоторыми джаму отождествляются с отношениями шуточного родства.

Братства по кораблю (*shipmates*) — специфический фиктивно-родственный институт, возникший в эпоху трансатлантической работорговли, когда невольники, перевезенные из Африки в Америку на одном корабле, считали себя родственниками (сиблингами, родителями / детьми, дедами / внуками), они «как бы рождались заново из чрева корабля» [Дридзо 1995: 243], а название корабля становилось их общим именем. *Shipmates* аналогичны джаму (для них также характерны шуточное родство, эквивалентность и эпигамия) и по сей

день функционируют на островах Вест-Индии и в странах Южной Америки, а также среди американо-либерийцев и креолов Сьерра-Леоне.

Интерпретация феномена общностей по джаму и аналогичных им братств по кораблю представляет значительный интерес для понимания механизмов этносоциальной и политической интеграции в Африке в историческом аспекте, а также для правильной оценки современных общественных отношений. Так, анализ командного состава различных повстанческих армий в Сьерра-Леоне, Либерии, Гвинее и Кот-д'Ивуаре указывает на сохранение (или реактуализацию) традиционных связей по джаму. Также можно упомянуть альянсы Джона Поля Корома и Фоды Санко в Сьерра-Леоне или Кигбафори Сороо и Ибрагима Кулибали в Кот-д'Ивуаре, фамилии которых представляют собой тождественные джаму. Те же тенденции проявились при формировании правительства Мали в 2002 г., когда к власти пришла группировка эквивалентных джаму Траоре — Джара — Конне — Ндиай, а «некогда весьма влиятельная группировка Кейта — Конате — Кулибали — Камара представлена министром инфраструктуры и территориального развития, а также двумя женщинами-министрами, которые находятся замужем за Траоре и Ндиай. Примечательно, что традиционно Кейта — Конате — Кулибали — Камара считаются соперниками Траоре — Джара — Конне — Ндиай, притом что «обмен невестами» между этими группами считается предпочтительным» [Арсеньев, Маслов 2002: 27]. Так что прав был Д. Пирцио-Бироли, когда отмечал, что «единение в политических соперничествах» было основной функцией мандингских кланов (т.е. джаму. — *В.П.*) [Пирцио-Бироли 2001: 56].

Много похожего в особенностях формирования различных политических институтов (в т.ч. политических партий и партизанских отрядов) в постколониальных государствах Зап. Африки и в истории «империи» Уасулу, существовавшей в конце XIX в. Ее создателя Самори Туре современники называли Бонапартом Судана или африканским Чингисханом. Европейцы никак не могли понять природу текучести границ Уасулу, объясняя это борьбой с колонизаторами и вынужденным отступлением во внутренние районы, при этом они полагали, что империя Самори все время перемещалась вместе с населением.

Действительно, в конце 1870-х годов Уасулу располагалась на востоке современной Гвинее, а в конце 1890-х годов — на северо-востоке Кот-д'Ивуара. На самом деле, Уасулу никуда не перемещалась. Просто Самори регулярно переносил свою ставку («столицу») в более восточные регионы в пределах социально-потестарной системы, существовавшей на основе общностей по джаму и признававшей его верховным вождем. Известно, что архаические политические организмы, как правило, не акцентировали свое господство над территорией, для них главное заключалось в подданных. Правители распоряжались скорее людьми, а не территорией (ср.: вождь свази, а не свазиленда). Поэтому и государственных границ в современном понимании не существовало. Т.е. никакой империи и государства Самори не создал, а его Уасулу представляла собой либо вариант парapolитейного организма, либо специфическую сетевую организацию.

Общности по джаму как социально-коммуникативная сеть

В исторической социологии общинные (территориальные) связи принято противопоставлять родственным (транстерриториальным). Но на примере джаму видно, что транстерриториальные структуры возникают из территориальных и идентифицируются при этом в категориях родства и возраста. Иначе говоря, группа людей, живших вместе, а затем рассеявшихся, начинает именовать свою близость в терминах родства и возраста. И это не просто потомки мигрантов из определенной местности, принадлежность которых к джаму передается по наследству: действовали и механизмы инкорпорации. В итоге появлялась фиктивно-родственная организация, вполне адекватная современным представлениям о социальных сетях.

Сеть фиктивно-родственных отношений по джаму обеспечивала не столько политическое, сколько коммуникативное и символическое единство территории, крайне важное для военных и торговых мероприятий. Как представляется, устойчивость раннеполитических образований зависела не только от военной мощи и экономической стабильности, но и от легитимности власти и эффективности коммуникаций. И именно легитимность потестарной системы и коммуникация были основными функциями систем типа джаму и абусуапон вплоть до XXI в. (см. также [Маслов 2006; Попов 2006]).

Заключение

1. Сетевые структуры, сложившиеся в доколониальной Африке (общности по джаму у народов Зап. Судана, межгородские сетевые образования у хауса и канури в Центр. Судане, система абусуапон у аканов), способствовали появлению единых социально-коммуникативных пространств, сопоставимых с локальными цивилизациями и ставших главной предпосылкой вторичных полигенетических процессов.

2. Основным структурообразующим принципом организации сетевых обществ является родство (реальное или фиктивное), поскольку только матрицы родства способны выразить как иерархические, так и горизонтальные отношения, причем номенклатуры родства отражают и половозрастные взаимоотношения.

3. Исторический процесс в Тропической Африке развивался таким образом, что социально-коммуникативные сетевые структуры оказались мощным фактором политогенеза.

Библиография

Арсеньев В.Р. Общности по «клановому имени» («джаму») у населения верховьев Сенегала и Нигера // Этническая история Африки. М., 1977.

Арсеньев В.Р., Маслов А.А. Новое правительство Мали: возрождение традиционных связей? // Африка: общества, культуры, языки. СПб., 2002.

Потестарность: генезис и эволюция. СПб., 1997.

Дридзо А.Д. «Братство по кораблю» как вариант псевдородства // Алгебра родства. СПб., 1995. Вып. 1.

Маслов А.А. Системы родства манде: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.

Ольдерогге Д.А. Западный Судан в XV–XIX вв. М.; Л., 1960.

Пирицио-Биролли Д. Культурная антропология Тропической Африки. М., 2001.

Попов В.А. Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках. М., 1990.

Попов В.А. Аканский потестарно-культурный регион в политической системе Республики Гана // Африка: культура и общество. Традиции и современность. М., 1994.

Попов В.А. Политогенетическая контроверза, парapolитейность и феномен вторичной государственности // Ранние формы политической организации. М., 1995.

Попов В.А. Сетевые структуры как фактор политогенетических процессов в доколониальной и постколониальной Тропической Африке // Иерархия и власть в истории цивилизаций. М., 2006.

Alternative Pathways to Early State. Vladivostok, 1995.

Popov V.A. Secondary forms of political organization in the ethnosocial history of Sub-Saharan Africa. М., 1988.

The Early State, its Alternatives and Analogues. М., 2004.

А.М. Решетов, А.А. Бурькин

Н.Я. БИЧУРИН О КИТАЙСКО-РУССКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТАХ И РУССКО-КИТАЙСКОМ «ПИДЖИНЕ»

Имя Никиты Яковлевича Бичурина (1777–1853), в монашеском служении отца Иакинфа (с 1802 г.), не нуждается в представлении востоковедам и этнографам. Трудно переоценить и по достоинству оценить все то, что сделал этот выдающийся ученый для изучения языка и культуры Китая в России, а также для изучения народов Центральной Азии и Дальнего Востока по данным китайских исторических источников. Н.Я. Бичурин как географ и этнограф, наблюдавший за жизнью и бытом жителей Сибири и китайцев, — это особая тема, для которой есть поистине бесценные материалы. Прежде всего это сочинение Н.Я. Бичурина «Отрывки из путешествия по Сибири», а также письма, точнее особый жанр посланий в печатные издания, дающие ученому возможность делиться своими наблюдениями. В настоящей работе нам хотелось бы, уподобившись в чем-то о. Иакинфу, поделиться с читателями его наблюдениями над языковой ситуацией на русско-китайском пограничье в 1830-е годы, которую ему выпала возможность обозревать, а нам в начале XXI в. — изучать по его трудам как по первоисточникам.

Исследование так называемого русско-китайского пиджина, служащего средством общения между русскими и китайцами, имеет уже довольно длительную традицию. Этим материалом занимался известный синолог А.Г. Шпринцин, а в последние годы на русско-китайский, или кяхтинский, пиджин обратили внимание сразу двое ученых — А.Ю. Мусорин и Е.В. Перехвальская.